

АРИАДНА ЭФРОН – ДОЧЬ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Майя Кремер

“А душа не тонет...”
Ариадна Эфрон

Введение

До недавнего времени горькая судьба Ариадны оставалась в тени трагической судьбы её родителей: Марины Цветаевой и Сергея Эфрона. Были отдельные публикации её писем в советских журналах. Было много сплетен и пересудов – чем крупнее личность, тем больше вокруг неё клубится слухов. Благодаря книге Марии Белкиной «Скрещение судеб» [1], вышедшей первым изданием в 1988 году, нам стало известно о том, как жила Аля. О её аресте и многолетнем хождении по мукам... О её попытках спасти и издать материнский архив... Переписка Ариадны Эфрон (первое издание вышло в 1996 году, 2-е, значительно дополненное, составленное Руфью Вальбе – относительно недавно, в 2006 году [8]), позволяет воссоздать её духовный облик, понять, что помогало ей жить и остаться человеком в нечеловеческих условиях.

Вот основные вехи её биографии.

Родилась 18 сентября 1912 г. в Замоскворечье. В 1922 году эмигрирует из России с матерью, Мариной Цветаевой. С 1925 по 1937 гг. живёт в Париже. В 1937 году возвращается в Россию. В 39-м была арестована и осуждена по обвинению в шпионаже на 8 лет лагерей. В 1941 году её отец, Сергей Эфрон, был расстрелян, мать покончила с собой. В 1944 году погиб на фронте её брат Георгий. В 1947 году, освободившись из заключения, Ариадна Эфрон поселилась в Рязани, в феврале 1949 года была снова арестована и приговорена к пожизненной ссылке в Туруханский район Красноярского края, в 1955 году реабилитирована. Умерла 16 июля 1975 года. Похоронена в Тарусе.

Портрет

Ариадна Сергеевна Эфрон, Ариадна, Аля... Девочка с «венетскими глазами», первенец Марины Цветаевой и Сергея Эфрона... Детские годы её прошли рядом с Арбатом, в Борисоглебском переулке, в старом доме, не раз воспетом в цветаевских стихах. Память о доме, где прошло детство, – это, прежде всего, память о родителях, о светлых, беззаботных, радостных днях, которых так мало было отпущено Але в её трудной жизни. В «Воспоминаниях», написанных ею по возвращении из ссылки, Аля подробно описывает старинную московскую квартиру своего детства, «неудобную, путаную, нескладную, но очень уютную». Комнаты её наполнены причудливыми и непонятными предметами, семейными реликвиями, старинными фотографиями и книгами, всеми этими «вещами с душой и историей», которые так интересно рассматривать и трогать. И на этом фоне – образы матери и отца, воскрешенные дочерней любовью и чувством долга. Мать Аля боготворит, её побаивается, об отце говорит с глубокой нежностью и сочувствием. Эти чувства к родителям она пронесла через всю свою жизнь.

Внешне она очень походила на отца. Сама Марина говорила о дочери: «У Али моей ни одной черты, кроме общей светлости... Я в этом женском роду – последняя, Аля – целиком в женскую линию эфроновской семьи, вышла родной сестрой Сережиным сестрам...[1, с. 382].

Мария Белкина, книгу которой [1] я не раз буду здесь цитировать, впервые встретившись с вернувшейся из ссылки Алей, отмечает необыкновенное достоинство в её манере держаться, женскую мягкость в сочетании с удивительной твердостью характера.

«Она совсем не была похожа на Марину, она была гораздо выше её, крупнее, у неё была горделивая осанка, голову она держала чуть откинутой назад, вольно подобранные волосы ... были схвачены на затылке мягким пучком и спадали волной на одну бровь... Глаза были бледно-голубые, прозрачные, видно, выцветшие прежде времени от слишком долгого созерцания северного неба, но в них была игра граней, как в венецианском хрустале, и они были такие огромные, что не умещались в орбитах...».

Описание это относится к осени 1955 года. Але 43 года, она только в июне 1955 года вернулась из Туруханска, где жила с 1949 года, приговорённая к пожизненной ссылке. **Всего же мытарства её по тюрьмам и лагерям продолжались 16 лет за преступление, состоявшее лишь в том, что была она дочерью своих родителей.**

Здесь я бы хотела вернуться в прошлое и рассказать немного о семье Ариадны Эфрон.

1. Предыстория. Истоки: семья – Цветаевы и Эфроны

Интеллигентская московская семья: дед – Иван Владимирович. Цветаев, директор Румянцевского Музея в Москве, создатель и первый директор музея Изыщных искусств им. Александра III, переименованного впоследствии в Пушкинский музей. Бабушка – Мария Александровна Мейн, одарённая пианистка, очень способная к языкам и писавшая стихи на русском и немецком языках. По требованию отца она вышла замуж за Ивана Цветаева, вдовца с двумя детьми, вдвое старше её. Брак не был счастливым. В 38 лет Мария Мейн умирает от туберкулёза. Всю жизнь пыталась она передать дочерям свою страсть к музыке. О ней Марина Цветаева напишет через 30 лет после её смерти: «Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики, как и мы потом, беспощадно вскрыв свою, пытались поить своих детей кровью собственной тоски».

Брак деда и бабки Ариадны со стороны отца тоже был неравным, но в другом отношении. Елизавета Дурново – аристократка, принадлежавшая к старинному дворянскому роду, и Яков Эфрон – выходец из местечковой еврейской семьи. Несмотря на сословные различия, они были преданы друг другу и борьбе с существующим режимом. Оба были левыми эсерами, членами организации «Народная воля». Яков Константинович участвовал в самых ответственных операциях народовольцев. В семье постоянно происходили обыски и аресты. Дети (а их было 8 человек) волей-неволей жили проблемами и идеалами родителей. Сергей Эфрон, рано заболевший туберкулёзом, подолгу живёт отдельно от семьи. После трагической смерти младшего брата и матери он поселяется у деда Дурново. Из-за болезни он практически прикован к дому, не может нормально учиться и общаться со сверстниками, к экзаменам в гимназии готовится заочно. Вспышки туберкулёза надолго укладывают его в постель. Он много читает, увлекается искусством и театром, пытается даже играть на сцене, но все его начинания как-то ничем не заканчиваются. Может быть, отсюда его постоянная неуверенность в себе, неприкаянность, идеализм, вечные поиски себя, своего места в жизни.

С Мариной Цветаевой он познакомился в 1911 году, в Крыму. Она ещё не знаменита, но уже известна в литературных кругах. Её первый сборник, "Вечерний альбом", вышел в 1910 году и был благосклонно встречен критикой. «Крёстным отцом» Цветаевой в поэзии стал М. Волошин, тогда уже известный поэт. Именно у Волошина в Коктебеле гостила

Марина в 1911 году. Юный Сергей Эфрон приехал в Крым лечиться от туберкулёза. Вот как пишет она сама в 1939 г. об этой встрече: «В 1911 году я встречаюсь с Сергеем Эфроном. Нам 17 и 18 лет. Он туберкулёзный. Убит трагической гибелью матери и брата. Серьёзен не по летам. Я тут же решаюсь никогда, что бы ни было, с ним не расставаться, и в январе 1912 года выхожу за него замуж».

После венчания молодые поселились в Замоскворечье, где через несколько месяцев и появилась на свет Аля. Через 2 года после рождения дочери молодая семья переселилась в особняк в Борисоглебском переулке. Здесь им было суждено прожить 8 лет. За эти годы в доме перебивали люди самых разных возрастов и профессий: поэты, писатели, музыканты, актёры. Маленькая Аля встречала здесь князя Волконского, Мандельштама, Волошина, Бальмонта, Эренбурга и Зайцева, Завадского и Антокольского. По словам всех, кто знал маленькую Алю, она была необыкновенным ребёнком. В 5-летнем возрасте она писала стихи, записывала в дневнике свои впечатления о матери, отце, о людях, приходивших в родительский дом. Марина Цветаева общалась с дочерью на равных, гордилась ею, восхищалась её умом и талантами (она даже включает Алины стихи в свой поэтический сборник). Аля присутствует при беседах взрослых, жадно впитывает атмосферу их общения, пытается осмыслить услышанное. Свой первый творческий импульс она получила именно в эти годы. Они навсегда останутся в её памяти и сердце, так же, как навсегда запомнит она прогулки с матерью по Москве: Кремль, Пречистенка, храм Христа Спасителя, набережные Москвы реки... В стихотворении 1916 года Марина «дарит» дочери Москву:

Облака — вокруг,	В дивном граде сём,
Купола — вокруг,	В мирном граде сём,
Надо всей Москвой	Где и мертвой — мне
Сколько хватит рук! —	Будет радостно, —
Возношу тебя, бремя лучшее,	Царевать тебе, горевать тебе,
Деревцо моё	Принимать венец,
Невесомое!	О, мой первенец!

Аля действительно ощущала Москву материнским даром. Стоит ли удивляться, что через много лет так рвётся она туда из прекрасного, но чужого ей Парижа.

Наступил 1914 год. Началась Первая мировая война. С отъездом Сергея Эфрона на фронт жизнь семьи переменилась. В Москве голод и холод. Марина вынуждена продавать вещи, чтобы прокормить двоих детей (младшая дочь Ирина родилась в 1917 году). Помогают друзья, но круг их постепенно редеет. Марина и раньше плохо справлялась с бытом, теперь же она в полном отчаянии. Она сама стирает, штопает, готовит, убирает, стоит в очередях за скудным пайком.

«Мой день: встаю – верхнее окно еле сереет – холод – лужи – пыль от пилы – ведра – кувшины – тряпки – везде детские платья и рубашки. Пилю. Топлю. Мою в ледяной воде картошку, которую варю в самоваре», – описывает свою московскую жизнь в 1919 году Марина Цветаева. В 1920 году ей пришлось пойти на отчаянный шаг – отдать в приют слабенькую Ирину, чтобы спасти Алю. Смерть Ирины в приюте, тяжёлая болезнь Али, тоска по мужу, страх перед будущим и отталкивание от настоящего, – всё это выталкивает Марину в эмиграцию. В 1922 году Аля с матерью навсегда покидают Борисоглебский. Путь их лежит в Европу, в Берлин, где Марина надеется встретиться с мужем.

В начале 20-х годов Сергей Эфрон с остатками Белой армии оказывается в Галлиполи, а затем – в Константинополе. Оттуда в 1922 году он перебирается в Прагу. Разочаровавшийся в Белом движении, но не примкнувший ещё к «армии победителей», он поступает в университет. Идеалист, он пытается искупить свою вину перед родиной, перед семьей... По словам Виталия Шенталинского, в Праге он затевает издание студенческого журнала «Своими путями», где впервые публикуются произведения советских авторов. Примерно в эти же годы Эфрон с друзьями основывает «Студенческий демократический союз». Поразительно было то, как этот внутренне хрупкий, физически слабый человек мог заражать своим энтузиазмом окружающих. Было в нём, наверное, что-то, внушавшее доверие и симпатию. Всё это было преамбулой к дальнейшим событиям, определившим трагическую судьбу Эфрона и его близких.

2. Эмиграция

Из Берлина Цветаева с Ариадной переезжают в Прагу, где её муж учится в Карловом университете, получая стипендию, выделенную Министерством иностранных дел Чехословакии. Из-за вечного безденежья семья вынуждена снимать жильё в пражских пригородах с забавными названиями: Вшеноры, Дольние Мокропсы, Горные Мокропсы...

Аля изо всех сил помогает матери: она топит печь, штопает, убирает, носит воду из колодца... Старается по мере сил освободить Марину от быта, чтобы та могла писать... Ариадна Сергеевна Эфрон так вспоминает своё детство в Чехии: «Зимовали хорошо, честно, дружно, пусть и трудно. Трудности мне стали видны впоследствии, девочкой я их просто не понимала, может быть, потому, что лёгкой жизни я не знала; то, что на мою долю приходилась часть домашней работы, считала не только естественным — радостным; то, что у меня было всего два платья, не вынуждало меня мечтать о третьем... то, что были редки подарки и гостинцы, только повышало их волшебную ценность в моих глазах... Счастьем были вечера, которые иногда проводили мы вместе, у стола, освобождённого от еды и посуды, весело протёртого мокрой тряпкой, уютно и торжественно возглавленного керосиновой лампой с блестящим стеклом... Сережа читал нам вслух привозимые им из Праги книги; Марина и я, слушая, штопали, чинили, латали...».

Памяти свойственно идеализировать прошлое. В Чехии закончилось детство Али. Училась Аля урывками, на учёбу времени не хватало. Чаще всего её можно было видеть не за учебниками, а за стиркой и уборкой, а позже, во Франции, за вязанием бесконечных шапочек и шарфов, которые затем продавали на рынке. Часто на эти гроши, заработанные Алей, жила вся семья.

В Чехии М. И. Цветаева много и плодотворно работает. Здесь написаны ею поэмы: «Молодец», «Царь-Девница», «Крысолов», «Поэма конца», «Поэма горы», выходят сборники стихов: «Разлука», «Психея», «Ремесло». Здесь 1 февраля 1925 года родился младший брат Ариадны, Георгий Эфрон. С рождением Мура жизнь Али снова меняется. Теперь ей совсем не до учёбы, ей некогда общаться со сверстниками: она должна помогать матери ухаживать за Муром. Когда по издательским делам Марина уезжает в Прагу, Аля целые дни напролёт проводит с братом. Такое положение вещей становилось нестерпимым.

Бедность неотступно преследует семью. Марину это угнетает. Кроме того, она болезненно ощущает свою обособленность от центра русской литературной эмиграции, который к тому времени переместился в Париж.

В эмиграции отношения матери и дочери складываются непросто. Чем старше становится Аля, чем сильнее проявляется её собственная индивидуальность, тем острее становятся конфликты между ней и её великой матерью. Трудно было Марине смириться с тем, что её Аля постепенно уходит из-под её власти, что из чудо-ребёнка она превращается в обыкновенную (по мнению Марины) девушку. Вот как вспоминает об этом сама Аля в письме из лагеря к тётке, Анастасии Цветаевой [4]:

«Вы спрашиваете меня насчёт наших отношений с мамой. Не любила во мне внешнее сходство с тётками — медлительность, лень, склонность к «дешёвому» журнало - газетному чтению, дружбу с бакалейщиками и дворничихами, смешливость и вообще мой смех. Любила во мне ум, быструю реплику, поэтическое чутье, щедрость, моё рисование и писанье. Очень многое во мне просто раздражало её. По отношению ко мне, по мере того как я росла, <она> делалась всё более деспотичной, её раздражала моя пробивавшаяся (впрочем, весьма умеренно) самостоятельность. В наших неполадках всегда формально была виновата она, а по-настоящему я, злившаяся, неподдававшаяся, сравнивавшая свою молодость с её (из письма Ариадны Эфрон к Анастасии Цветаевой, от 6-го января 1945 года).

Интересно, что Ариадна не судит мать, но скорее даёт выразительный набросок её (и своего) характера, в нескольких словах определяя причину их разногласий.

Наиболее полное представление об Ариадне мы можем получить не из воспоминаний знавших её, а из её переписки, а была она обширной: письма к брату, тёткам и друзьям; переписка с Пастернаком, который всю жизнь был её верным другом; затем, по возвращении из ссылки, письма к тем советским литераторам, от которых зависела судьба литературного наследия Марины Цветаевой. Переписка эта велась на протяжении более 30 лет и была впервые издана в 1996 году в Москве. Подзаголовок книги – «А душа не тонет» (цитата из её же письма) – можно поставить эпиграфом ко всей жизни Али. Пройдя через все круги ГУЛАГовского ада, потеряв самых близких людей, увидев изнанку жизни, она сохранила человечность, великодушие, жертвенность и доброту, чувство юмора и самоиронии. Она, прожившая «не свою жизнь», тем не менее, реализовала то, что заложено было в неё родителями. Её письма позволяют судить о незаурядном литературном и художественном даровании автора. *Кем бы могла она стать, если бы не вырвали её из жизни на 16 долгих лет? Писателем? Художником? Журналистом? Она была талантлива во всём.* Что касается её политических убеждений, то не нам её судить. Она до конца дней верила в счастливое будущее социалистического государства. В конце концов, идеализм, вера в добро, в его торжество – это то, что помогло ей выжить и жить после освобождения, и не только жить, но и собрать по крупицам материнский архив, сохранить то, что ещё можно было сохранить и спасти. Именно Але мы обязаны тем, что стихи Марины были изданы не в годы перестройки, а гораздо раньше, в 60-е годы: пусть выборочно, пусть с купюрами, но они увидели свет.

Вернёмся в 20-е годы. После Чехии была Франция, с бесконечными переездами с места на место, с неотступной бедностью, с несчастными выступлениями Марины на поэтических вечерах, с потерями и разочарованиями... Але удалось окончить среднюю школу и поступить в художественную школу при Лувре. У неё много друзей, жизнь улыбается ей, хотя отношения с матерью становятся всё более напряжёнными. Аля рвётся к самостоятельной жизни, она поступает на службу, что вызывает недовольство Марины. Дочь нужна ей дома, дочь в некотором смысле – её собственность, и ей трудно смириться с её взрослением и неизбежным уходом. Отношения с отцом, который внутренне всегда был ей близок, у Али теплые, доверительные. По воспоминаниям Али, Сергей Эфрон в

начале 30-х годов во Франции очень страдал от сознания своей беспомощности, неспособности найти постоянный заработок и своё место в жизни. Ему кажется, что семье он в тягость и что лучше всего ему жить отдельно. Ему и в самом деле одиноко в семье. Марина Цветаева далека от эмигрантских склок и ненавидит всякую политику.

Между тем, русская эмиграция во Франции расколота на 2 лагеря. Всё больше эмигрантов задумывается о возвращении на Родину. Сергей Эфрон, ещё в Праге увлечённый идеями евразийства, стал во главе парижского «Союза возвращения на родину». Неисправимый идеалист, он вряд ли отдавал себе отчёт, во что он впутался. Он искренне верит просоветской пропаганде, и сам становится страстным апологетом Страны Советов. Для него словно забрезжил свет в конце тоннеля. Казалось, что отъезд в Россию разрешит одним разом все проблемы, выведет из тупика, в котором оказался он сам и его семья. Его энтузиазм заражает детей, Алю и Мура. Мур рвётся в Россию, а Аля, при содействии отца, получает советский паспорт.

3. Возвращение в Россию

Вот как вспоминает об этом сама Аля [4]:

«С середины 35-го года я стала постепенно готовиться к отъезду. Мама была против, хотя предоставила мне в этом вопросе полную свободу. Я с увлечением занималась общественной работой, писала статьи, много работала. Такая, я радовала отца. Мама больше не спрашивала меня, куда я и откуда. Всё это время я жила дома. Ей очень не хотелось, чтобы я уезжала. Всю зиму 36-го года она собирала меня к отъезду.

И вот этот день, которого так ждала Аля и так боялась Марина, наступил.

«Много народу провожало меня на вокзале. Она (Марина) стояла в кофточке и берете, связанных ей мной, с кошёлкой, в которой принесла последние подарки и еду. Она поцеловала меня и неторопливо три раза перекрестила, вглядываясь в меня ясными близорукими глазами. Вложила мне в руку записку, которая у меня пропала. Там было написано о том, что человек везде и всегда важнее всего, чтобы никогда этого не забывала в новой жизни. “Благословляю тебя и целую”».

18 марта 1937 года Аля приезжает в Москву. Жизнь улыбается ей, а она верит в светлое будущее. Она вообще очень доверчива, открыта людям. Красота, обаяние и отличное знание французского языка позволили ей быстро устроиться на службу. Вот что пишет о первых днях Али в Москве её близкий друг Ада Федерхольф: «В 1937 году в это же издательство («Московские новости») приняли на работу только что приехавшую из Франции Алю. Она была хороша собой и обращала на себя внимание элегантностью, выделявшей её среди плоховато одетых советских женщин. Настроение у Али было прекрасное. Всё казалось необычайно новым и интересным. Её посылали на новостройки, спортплощадки, молодёжные собрания, о которых она как корреспондент газеты писала остроумные, интересные очерки, снабжая их зарисовками...”

В Москве Аля встречает свою первую и единственную любовь, Самуила Яковлевича Гуревича, Мулю. А вскоре в Москву приезжает отец, Сергей Эфрон, после убийства Рейсса вынужденный бежать из Парижа. Он поселяется на конспиративной даче в Болшево, куда в 1939 году приезжают Марина с Муром. Семья воссоединилась. Ловушка захлопнулась.

4. Арест

27 августа 1939 года ранним утром за Алей приехала машина НКВД. Вот как вспоминает она о своём аресте в письме В.Н. Орлову от 28.VIII.74: «Сегодня — первый день на тридцать шестой год с того 27 августа, когда я в последний раз видела своих близких; на заре того дня мы расстались навсегда; утро было такое ясное и солнечное — два приятных молодых человека в одинаковых [«костюмах»] с одинаково голубыми жандармскими глазами увозили меня в сугубо гражданского вида [«эмке»] из Болшева в Москву; все мои стояли на пороге дачи и махали мне; у всех были бледные от бессонной ночи лица. Я была уверена, что вернусь дня через три, не позже, что всё моментально выяснится, а вместе с тем не могла не плакать, видя в заднее окно машины, как маленькая группка людей, теснившаяся на крылечке дачи, неотвратимо отплывает назад — поворот машины, и — всё» [8].

5. Лагерь и ссылка: Мордовия, Рязань, Туруханск

Пунктиром отметим страшные годы лагеря и ссылки.

Допросы на Лубянке [1].

Этап – 24 января 1941 года.

Лагерь: Княжий погост [1, с. 419].

1942 г. В лагере Аля получает известие о смерти Марины (раньше скрывали).

Тревога: Архив матери, где он, что с ним. Ещё тревога за брата.

Работы Али в лагере:

– комбинат – мотористка;

– делает зубной порошок;

– собирает в тайге летом грибы/ягоды;

– работает в цехе ширпотреба: клеит коробочки из стружки.

– после отказа стать “стукачкой” – лесоповал/штрафной лагерь.

В 1945 г. стараниями друзей её переводят в Потьму, в Мордовии.

27 августа 1947 г. Окончание срока. Приезд в Рязань. Гордоны (друзья по Парижу).

Преподаёт в Рязанском областном художественном училище. Студенты боготворят Ариадну.

Переписка с Пастернаком по поводу книг для библиотеки училища. Организация праздников.

Февраль 1949 года – повторный арест. Пересыльный лагерь, отправка в Туруханск Красноярского края на вечное поселение.

Переписка с Пастернаком. Работа уборщицей. Заготовка сена.

1953 год – смерть Сталина.

До 1955 г. Аля остаётся в Туруханске в ожидании паспорта без ограничений.

1955 – приезд в Москву. Реабилитация.

Ариадну терзало чувство вины перед матерью. Но оно не убило Алю, а придало ей силы. Она и только она должна была донести материнский крест, как несла она его при жизни Марины. На неё легла ответственность за литературное наследие Марины.

Вот что пишет Аля о матери своей тётке, Анастасии Цветаевой [4]:

«На самом деле во всей своей жизни, с тех пор, что я помню себя, у меня была только одна любовь — она. Пусть были затмения, отступления, собственная глупость и

молодость — ни отца, ни брата, ни мужа я так не любила, а детей у меня не было и не будет».

А дальше — о том, что помогло ей выжить[4]:

«Я очень прошу Вас, Ася, пережить это тяжёлое время, дожить до нашей встречи. Я решила жить во что бы то ни стало. Моя жизнь настолько связана с её жизнью, что я обязана жить для того, чтобы не умерло, не пропало бесповоротно то её, то о ней, что я ношу в себе» (письмо к А. Цветаевой от 20.10.1944 г.).

Е. Г. Эткинд, известный искусствовед и переводчик, писал об Ариадне Эфрон:

«Страна убила её отца, довела до петли её мать, погубила всех, кого она любила и кто любил её. Она могла бы вслед за Бодлером написать “Бочку ненависти”, а писала она о красоте сибирской природы, о неотразимости народной песни и русской речи, о бессмертии неба и земли».

Она начала писать стихи в 1949-50 году, когда была повторно арестована и сослана на вечное поселение в Туруханск. [Р. Вальбе].

По возвращении из ссылки Ариадна посвятила всю оставшуюся жизнь воссозданию творческого наследия Марины Цветаевой. Много переводила, собирала материнский архив и воспоминания о ней, занималась изданием первого советского сборника стихов Цветаевой.

Ефим Григорьевич Эткинд писал, что она — один из самых значительных поэтов-переводчиков 20-го века. Её Бодлер, Верлен, Теофиль Готье — феноменальны. Мать перевела поэму Бодлера “Плавание”, дочь — несколько стихотворений из “Цветов Зла”. И её переводы не уступают переводческому шедевр Цветаевой.

Заключение

Ариадна Эфрон предстаёт перед нами как светлый одарённый человек, судьба которого была изломана страшным сталинским террором. Она смогла сохранить цельность натуры, преданность памяти матери, верность идеалам любви и добра. Её роль в восстановлении творческого наследия великого русского поэта Марины Цветаевой неопенима.

Источники

1. Мария Белкина. Скращение судьбы. Изд. 2-е, доп. — М.: Благовест, Рудомино, 1992.
2. Максимилиан Волошин — художник и поэт. Сборник материалов. — М.: Советский художник, 1976.
3. Марина Цветаева. Стихи к дочери. В сб. «Психея». — Берлин, 1923-1924.
4. Марина Цветаева в письмах сестры и дочери. Часть 2. Письма Ариадны Сергеевны Эфрон Анастасии Ивановне Цветаевой (1943-1946). //Нева, №3, 2003.
5. Анна Саакянц. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. — М.: Эллис Лак, 1999.
6. Ада Федерхольф. Рядом с Алей. Воспоминания. — М.: Возвращение, 1996.
7. Виталий Шенталинский. Марина, Ариадна, Сергей. //Новый Мир, №4, 1997.
8. Ариадна Эфрон. «А душа не тонет». Письма 1942 — 1975 гг. Воспоминания. Сост. Р.Б. Вальбе, Изд. 2-е. — М.: Культура, 2006.